

УДК 811.134.2'276

Т.В. Писанова

**КАСТИЛЬСКИЙ ЯЗЫК И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ
ИСПАНИИ: ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА
И ГИБРИДИЗАЦИИ**

*Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, ptp1@bk.ru*

Аннотация. Автор статьи исследует языковую полифонию Испании через призму билингвизма и гибридизации. Сравнительный анализ закрепленной в конституции иерархической организации языков на территории страны и ее противоречивых изменений во времени и пространстве показывает, как меняется соотношение доминирующего кастильского языка и региональных языков в контексте языковых контактов и процессов гибридизации.

Ключевые слова: многоязычие; официальный доминирующий язык; со-официальные языки; языковые разновидности; гибридизация; гибридный вариант; языковые контакты; двуязычное общество; языковая идентичность.

Поступила: 28.01.2018

Принята к печати: 15.03.2018

T.V. Pisanova

**Castilian language and the regional languages of Spain: Characteristics of
bilingualism and hybridization**

*Moscow State Linguistic University
Moscow, Russia, ptp1@bk.ru*

Abstract. The author of the article explores the linguistic polyphony of Spain through the prism of bilingualism and hybridization. Analysis of hierarchical organization of languages on territory of the country, envisaged in the Constitution, and its contradictory modifications in time and space shows how changing the ratio of the dominant Castilian language and regional languages in the context of language contacts and hybridization processes.

Keywords: multilingualism; official dominant language; co-official languages; language varieties; hybridization; hybrid variant; language contacts; bilingual society; language identity.

Received: 21.01.2018

Accepted: 15.03.2018

Введение

Многим европейским государствам свойственна языковая полифония, но особенность заключается в том, что до недавнего времени в Европе царило вековое пренебрежение к многоязычию со стороны официальной политики, способствовавшее упрочению традиционного монолингвизма в виде доминирования так называемого государственного языка. На протяжении последних десятилетий положение дел в европейских странах, и Испании в частности, стало меняться в лучшую сторону, и полиязычная Испания заявила о себе в полный голос.

Конституция и языки Испании

Многоязычие Испании корнями уходит в историю Иберийского полуострова. Наряду с единственным дороманским языком и языком басков (*euskera*), на полуострове были сформированы несколько разновидностей вульгарной латыни, которые в течение веков превратились в языки с более или менее развитыми письменными традициями. Среди них можно назвать галисийско-португальский, астурийско-леонский, кастильский, наварро-арагонский, окситанский и каталанский. Все эти языки имеют базовые разновидности разной степени сложности. Кастильский язык в силу историко-политических и династических причин превратился в доминирующий язык Испании. Его доминирование выражалось в запрещении или игнорировании других романских и нероманских языков. Языковой вопрос на протяжении веков был тесно связан с вопросом децентрализации испанского государства. В XIX в. Первая республика пыталась внедрить федеральную модель в рамках проекта Конституции 1873–1874 гг. Несмотря на то что в этом проекте языки не упоминались, важно обратить внимание на то, как развивалась федеральная идея применительно к Ис-

пании. Показательно, что в этом проекте говорится о 17 испанских регионах – количестве, совпадающем с числом регионов современной Испании. Следует отметить, что этот конституционный проект так и не вступил в силу, а сторонники федерализма вынуждены были ждать прихода Второй республики, которая приняла новую конституцию в 1931 г. В ст. 4 впервые в конституционной истории Испании поднимается языковой вопрос. Формулировка статьи делает очевидным то, что кастильский язык – доминирующий язык в испанском обществе с чрезвычайно сильным официальным статусом. Кроме того, в тексте статьи по меньшей мере признаются другие языки, которые смогут обрести права в рамках отдельных территорий Испании. Каталония становится тем единственным регионом, который устанавливает автономию с собственным языком – каталанским. В 1936 г. государственный переворот и гражданская война привели к тому, что конституция 1931 г. была упразднена франкистским режимом. Правление генерала Франко длилось более 40 лет, и кастильский язык был единственным языком, разрешенным для официального употребления. Другие языки на территории Испании были запрещены и в определенной степени подвергались преследованию.

Современная конституция страны 1978 г. явилась результатом широчайшего консенсуса и была интегрирована в традиции западной демократии. В ст. 3 иерархическая организация языков на территории страны представлена следующим образом. Кастильский язык законодательно назначается официальным языком, при этом допускается общение на других языках, но они не называются. Подчеркивается, что другие языки могут быть назначены со-официальными в соответствующих автономных сообществах, согласно принятым статутам [Todos los Estatutos de Autonomia de España].

Совокупность всех языковых разновидностей на территории Испании объявляется культурным наследием и объектом подчеркнутого уважения и охранения [Constitucion Espanola]. Конституция 1978 г. обращена к проблеме языков по нескольким пунктам. Впервые в преамбуле текста конституции идет речь о характерной для государства многоязычной реальности [Vernet, Punset, 2007, p. 23]. С помощью новой конституции испанская нация, истинное значение которой не конкретизируется, впервые за свою длинную историю выражает желание «охранять все народы и языки Испа-

нии». Статья 3 содержит базовую конституционную установку языкового регулирования. На первый взгляд, статья делит языки на два типа в рамках существующего языкового множества в их целостном территориальном исчислении. С одной стороны, признается только один официальный язык на всей территории Испании: кастильский. С другой стороны, наряду с ним существуют со-официальные языки, т.е. каждое автономное сообщество может в соответствии со своими статутами сделать со-официальными один или два языка на своей собственной территории. В статье также говорится о различных языковых разновидностях, под которыми понимается совокупность языков, диалектов и вариантов, например кастильский, каталанский, язык басков, а также кастильский в Андалузии, Каталонии, Валенсии и т.д., которые должны стать объектами охранения. Пункт 3.3 новой конституции 1978 г. внес в лингвистическую иерархию третью категорию языков под названием *modalidades linguisticas* (языковые варианты), которая в рамках шкалы находится ниже категории *lengua co-oficial* (со-официальный язык). Третья статья конституции не только признает и подчеркивает многоязычность, но и консолидирует языковую иерархическую модель, без упоминания и оценки всех остальных языков, исключая кастильский. К трем вышеупомянутым категориям ст. 3 необходимо добавить четвертую категорию, к которой можно причислить языки, не имеющие никакого официального статуса, такие как арабский в автономном городе Сеута или кало, на котором говорит часть цыганского населения в Испании.

Итак, к первой категории относится кастильский язык, единственный официальный язык на всей испанской территории. Ко второй категории относятся со-официальные языки в автономных сообществах, в третью категорию входят *modalidades linguisticas* в автономных сообществах и автономных городах, к четвертой категории принадлежат языки, не имеющие официального признания. Таким образом, испанская конституция поместила кастильский язык на самую высокую ступень лингвистической иерархии, определив для него первое место, а автономные сообщества назначила ответственными за переоценку и распределение региональных языков между уровнями 2, 3 и 4. Галисийский язык в Галисии или каталанский в Каталонии, Валенсии или на Балеарских островах принадлежат ко второй группе в соответствии со статутами автономий. Очевидно, что имеются иерархические различия и внутри

группы. Специалисты констатируют, что, например, каталанский в Каталонии, где он считается доминирующим, имеет более значимую позицию, чем в Валенсии, где существуют два официальных языка. Та же самая тенденция наблюдается и внутри третьей группы, если сравнивать ситуацию с астурийским языком в Астурии и арагонским языком в Арагоне. Низшую позицию внутри группы занимает язык тамазигт в Мелилье, а в связи с тем, что в вышеупомянутой статье конституции говорится о языковой совокупности, без конкретизации языков, то этот язык имеет минимальную, практически невидимую защиту.

В соответствии со ст. 3 Конституции различные группы миноритарных языков стремятся к усилению языковой политики для повышения своего статуса внутри лингвистической шкалы. Вместе с тем только автономное сообщество имеет право назначить язык со-официальным в соответствии с п. 2 ст. 3 испанской конституции. В таком автономном городе, как Мелилья, юридически может присутствовать только языковая рановидность (*modalidad linguistica*) наряду с официальным языком.

Необходимо подчеркнуть, что новая конституция способствовала частичному разрешению языковых конфликтов на Иберийском полуострове, однако этот вопрос до сих пор не получил своего окончательного разрешения. Более того, одни конфликты затихают, а другие разгораются с новой силой. Катализатором новых конфликтов, как это ни парадоксально, стал федералистский дух языковой политики, воспламенивший дремавшие до недавнего времени языковые противоречия. Некоторые специалисты утверждают, что в настоящее время доминируют отношения сегрегации в отношениях между языками полуострова. В то же время дискуссии и размышления о сосуществовании и возможной социальной взаимной дополнительности языков находятся на низком уровне и не вписываются в современную конъюнктуру. Центробежные тенденции проявляются на различных уровнях языковой политики: уровне языков Испании – каталанского, баскского и галисийского, имеющих статус официальных языков в соответствующих автономных сообществах (*Comunidades Autonomas*), согласно существующим статутам (*Estatutos*).

Получившая широкое признание в Каталонии социолингвистическая теория проповедует идею имманентного и неизбежного конфликта, заложенного в языковых контактах, связывая ее со ста-

тусом двух официальных языков, который претерпел иерархические изменения в пользу региональных языков. Эта статусная реорганизация приобретает особую значимость, если иметь в виду упрочение юридического статуса региональных языков между 1978 г. и настоящим временем. В употреблении трех региональных официальных языков, а также в каталанском языке продолжают нарастать тенденции внутренней раздробленности (сектаризма).

Признанным фактом является то, что вслед за усилением региональных языков, получивших официальное признание, жители, говорящие на астурийском и арагонском языках, так называемых языковых вариантах Испании (*modalidades*), повысили собственную языковую и культурную самооценку. Признание родного языка для них имеет не только символическое, но и практическое значение, непосредственно трансформирующееся в социальные и экономические выгоды. Наряду с астурийским и арагонским языками, как языковыми вариантами, на территории испанского государства существуют некоторые автохтонные языки, принижаемые со стороны законодательства: арабский и тамазигт (*Tamazight*) в испанских анклавах в Африке. Принято считать, что и в настоящее время говорящие на этих языках жители ощущают на себе дискриминационное отношение.

Кроме того, в кастильском языке, особенно в Андалузии и на Канарских островах, наблюдается доминирование плюрицентрической нормы испанского языка, а также заметное осознание и признание его внутренних различий. Необходимо упомянуть также группу аллофонов, которые до сих пор не приняты во внимание испанским законодательством, т.е. в данном случае речь идет об иммигрантах, которые говорят на языках, не относящихся к территории Испании. Поскольку эти жители погружены в процесс интеграции, или, как минимум, стремятся к социальной и экономической интеграции в испанское общество, они вынуждены подчиниться процессам ассимиляции, однако в случае замедления этой перспективы, они неизбежно вернуться к своим языковым и культурным корням.

Специалисты настаивают на том, что существуют различные научные и политические причины накопления лингвистических разногласий в Испании. На научном уровне они сводятся к проблеме формулирования критериев консенсуса в определении языка и его демаркации по отношению к другим языкам. Эта проблема нередко

стимулирует новые подходы, базирующиеся на таких аргументах и лингвистических критериях, которые имеют политическую мотивацию. Необходимо принимать во внимание эффекты сегрегации с их конфликтными последствиями и невозможностью поддерживать мирные контакты между непримиримыми языками, что неизбежно приводит к изолированию, разведению языков как единственному решению, рассчитанному на длительную перспективу.

Идеологический и политический контексты в равной мере апеллируют к безальтернативной значимости дискурсов, оперирующих синонимичными терминами «государство» и «нация» и настаивающих на моноязыковом определении нации. Явная неспособность разработать культурную концепцию нации, где нашлось бы место для нескольких языков, проявилась в недавней дискуссии о терминологическом определении каталанской нации. В этой дискуссии столкнулись два национальных монолингвальных концепта – государственный и региональный, что привело к неконструктивному соперничеству и тупику. В преамбуле испанской конституции 1978 г. говорится о «народах Испании», и это понятие могло бы гармонизировать межкультурный диалог. Необходимо признать, что культурная и языковая идентичность жителей Испании всегда была в большой степени гибридной и динамичной, поэтому языковые контакты и взаимовлияние языков являются частью жизни этой страны.

Невозможно в рамках одной статьи проанализировать все языки и их разновидности, существующие в современной Испании. В частности, описание языков Экстремадуры, Мурсии и Куэнка-дель-Сегура довольно подробно изложено в статьях Мигеля Анхела Энкабо Вера [Encabo Vera, 2006, p. 501–512] и Анхела Кустодио Наварро Санчеса [Navarro Sanchez, 2006, p. 473], а также в статье Рамона-де-Андреса Диаса «Linguistic borders of the Western Peninsula» [Ramon de Andres Diaz, 2007].

Билингвизм и языковые контакты в Испании

Ситуация билингвизма или мультилингвизма в некоторых случаях в различных регионах Испании явилась результатом истории становления Иберийского полуострова в политико-социальном контексте. Кастильский язык завоевал определенную

территорию и доминирующее положение над другими языками начиная с XVI в. На протяжении нескольких веков региональные языки сосуществовали в ряде регионов наряду с кастильским языком в отношении диглоссии. Эти языки были стигматизированными языками сельского населения и низких социальных страт, за исключением в некоторой мере каталанского языка. Длительное сосуществование в иерархических отношениях наложило отпечаток на языковое употребление, взаимоотношения говорящих и структуру контактирующих языков.

Известно, что в ситуации диглоссии говорящие на стигматизированном языке склонны интегрировать элементы доминирующего языка, в данном случае кастильского – как знак престижа. Речь идет не только о терминах, прежде всего лексических, отсутствующих в собственном языке, но также и о словах, подобные которым существуют в собственном языке. В случаях настойчивого давления со стороны говорящих на доминирующем кастильском языке и если языковой контакт был продолжительным по времени, влияние доминирующего языка проявляется и на других уровнях, в частности морфологическом и синтаксическом [Thomson, Kaufman, 1988, p. 37–39]. Необходимо подчеркнуть, что в двуязычных сообществах это влияние не является однонаправленным. Региональный язык, на который оказывает влияние доминирующий язык, проявляется в языке влияния (кастильском), особенно на фонетико-фонологическом уровне, а в случае длительного контакта и на других уровнях. Результатом этого двунаправленного процесса является возникновение смешанных, или гибридных, вариантов, существующих в континууме между кастильским и региональными языками, которые либо близки к кастильскому, либо в большей степени приближаются к региональному языку. Этот континуум, как подчеркивает Ева Гугенбергер, делится на два блока, и в этом случае речь идет об «астурианизированном кастильском языке» (*castellano asturianizado*) или кастилианизированном астурийском языке (*asturiano castellanizado*), которые находятся между собственно кастильским и астурийским языками.

В двуязычных сообществах Испании присутствие двух языков в обыденной жизни и билингвальная практика для многих жителей превратились в рутину. Так, в Каталонии 47,1% занятого населения признают использование кастильского и каталанского языков в коммуникативных интеракциях с коллегами по работе.

В Галисии 37,2% населения подтверждают употребление галисийского и кастильского языков как языков повседневного общения. Выбор одного или второго языка в зависимости от коммуникативной ситуации означает также, что говорящий использует два языка в одной и той же интеракции. Этот феномен существует под известным названием *code-switching*. Вышеупомянутый континуум включает целый набор языковых разновидностей на оси между кастильским языком и региональными языками, включая такие разновидности, в которых доминирует один язык, а второй присутствует в виде некоторых черт: фонетических, морфологических и др. В этом случае даже когда говорящий использует один лингвистический код, он не говорит на нейтральном языке без регионального и социального маркирования. Региональные черты могут варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как степень формальности коммуникативного события и др.

С одной стороны, кастильский язык Иберийского полуострова имеет свои особенности в каждом испанском регионе, обусловленные его присутствием в двуязычных сообществах и его контактами с региональными языками. С другой стороны, региональные языки демонстрируют характеристики, возникшие в условиях сосуществования с кастильским языком. Таким образом, даже если говорят на одном языке, то этот язык по существу является гибридной разновидностью, а второй язык обычно присутствует в дискурсах, на первый взгляд, кажущихся одноязычными. Проиллюстрировать данный феномен можно на примере общения участников деловых совещаний, которые являются каталанско-кастильскими билингвами. В процессе общения на кастильском языке для них характерно употребление следующих выражений: *es a decir; tengo una comanda a hacer, me agradaria si tendria en cuenta; quitando de un nucleo; todo y que; podriamos conseguirlo; a mas, a mas; por lo que hace a este tema; habria de estarse de acuerdo; tampoco no viene al caso* и др.

Существенным фактом является то, что некоторые черты региональных языков присутствуют в речи монолингвов, говорящих на кастильском языке. Так, в Галисии в речи на кастильском языке можно встретить уменьшительную форму – *iño*, свойственную галисийскому языку. Кроме того, зарегистрировано широкое употребление синтетических временных форм, таких как *hoy compre*, вместо *hoy he comprado* или *dijera*, вместо *habia dicho*, что объяс-

няется отсутствием сложных временных форм в галисийском языке. Несмотря на то, что форма *hou compre* также употребляется в других испаноязычных регионах, в Галисии она используется непосредственно под влиянием галисийского языка. В регионах, где доминирует каталанский язык, под его влиянием в кастильском языке распространено употребление определенного артикля перед именем собственным: *la Maria, el Jordi* [Blas Arroyo, 1999, p. 81]. Контакт кастильского и каталанского языков привел к тому, что в выборе лексических средств говорящими на кастильском языке предпочтение нередко отдается словам, близким по происхождению к каталанскому языку, например вместо *almohada* говорят *cojin*, вместо *terco, obstinado* употребляют *tozudo* [Blas Arroyo, 2006, p. 80]. В данном случае феномен интерференции, широко понимаемый как неспособность говорящих различать два лингвистических кода, получает новое осмысление. Как показывают вышеприведенные примеры, в некоторых случаях говорящие не умеют различать языковые коды, а в других случаях не хотят их различать, сознательно порождая их гибридизацию.

История возникновения и развития языков на Иберийском полуострове свидетельствует о том, что все языки сформировались в процессе взаимного влияния разных лингвистических компонентов: латинских, кельтских, германских, арабских и др., а процессы языковой гибридизации способствовали формированию различных романских языков. Специалисты склонны утверждать, что существующий континуум романских языков был фрагментирован по большей части, исходя из политических критериев. Языковые границы не являются естественными границами, они выстроены людьми. Кроме того, в Испании не существует абсолютной эквивалентности между политико-административными и языковыми границами. Следующие примеры иллюстрируют сформулированные выше утверждения. Так, языковая граница между галисийским и португальским языками – продукт политического раздела галисийско-португальской территории в XII в. Вплоть до сегодняшнего дня существуют так называемые сторонники реинтеграции, проповедующие идею единения двух языков. Языковые изменения, последовавшие за политическим разделом, обусловили отдаление двух языков, однако и в настоящее время границы между двумя языками остаются размытыми. Существование переходной границы между языками предполагает присутствие южных диалектов

Галисии и северных диалектов Португалии, как указывает Алонсо Самора Висенте в своем труде, посвященном испанской диалектологии [Zamora Vicente, 1967, p. 330]. Здесь же он подчеркивает, что языки и говоры Мурсии, а также Эстремадуры, Риохи и Канарских островов являются переходными. Говоры Мурсии сочетают в себе, с одной стороны, валенсийско-каталанские и арагонские характеристики, а с другой – черты кастильского языка Андалузии. Язык Эстремадуры имеет лионские корни. Кроме того, в Эстрематуре присутствуют пограничные языки, которые идентифицируются как португальские или галисийско-португальские диалекты [Carrasco Gonzalez, 1997; Ramon de Andres, 2007, p. 130]. Между кастильским и астурийско-леонским существует несколько переходных зон. Этот леонско-кастильский язык может быть охарактеризован как кастильский, постепенно переходящий в астурийский.

Отсутствие соответствий между политическими и языковыми границами просматривается во многих автономных сообществах Испании. Так, территория распространения галисийского языка преодолевает границы Галисии, что приводит к тому, что на галисийском языке говорят за пределами Галисии – в ряде областей Астурии, Саморы и Леона. Галисийско-астурийский вариант языка, в народе называемый *a fala*, может быть идентифицирован как переходный диалект между галисийским и астурийским языками [Ramon de Andres, 2007, p. 121]. На каталанском языке в его различных вариантах говорят в Каталонии, Валенсии, на Балеарских островах и в одной из областей Арагона. Некоторые черты каталанского языка также присутствуют в мурсийском языке, а черты леонского языка прослеживаются в провинциях: Астурия, Сантандер, Леон, Самора, Саламанка, Касерес и Бадахос. В восточной части средневекового королевства Леон его языковая граница была сдвинута в пользу продвижения кастильского языка. Специалисты отмечают, что не только этот случай демонстрирует, что языковые границы были сдвинуты в результате расширения, уменьшения или территориального исчезновения ранее существовавших королевств на Иберийском полуострове. Леонский язык так и не приобрел статус независимого языка в силу того, что королевство Леон было завоевано королевством Кастилии. Королевство Мурсии также было подчинено короне Кастилии в XIII в. В настоящее время Статут автономии Мурсии не признает мурсийский язык как отдельный язык или даже как языковой вариант.

Этот факт не способствует культивированию и уважению языкового разнообразия в этом регионе.

Вышеперечисленные и другие примеры, которые могут быть отнесены к этому ряду, показывают, что региональные языки Испании являются результатом сознательного формирования языковых систем, отличных от других языков, и зависят от непосредственного отношения к ним говорящих, а также от политического признания этих языков, при условии, что их существование связывается с определенными территориями. В случае общепризнанного установления норм и правил, в соответствии с которыми функционирует языковой конструкт, возникают дихотомические категории, такие как *собственный, аутентичный, истинный vs чуждой, чужеземный, внешний*, и в данном случае принято говорить об ошибках, отклонениях и нарушении системы. При этом искусственно моделируется монолитность языка, ориентированная на перспективу того, что моноязыковая система признается первичной и нормальной, в то время как языковые контакты и смешение языков вторичны. В то же время языковая реальность свидетельствует о том, что все наоборот. Ряд лингвистов обращали внимание на этот факт, среди них Йоханн Бехерт, Вольфганг Вильдхен, Юрген Эрфурт и др., обосновавшие принципиально новую перспективу для региональных языков, точкой отсчета которой являются языковые контакты и промежуточное пространство между языками, плодотворное для лингвистического исследования.

Концепт «гибридизация» в свете современных исследований языковых контактов

О гибридации региональных языков Испании принято говорить в ракурсе постмодернистских теорий, одним из известных разработчиков которых является аргентинский философ Нестор Гарсиа Канклини (род. в 1939), прежде всего известный благодаря монографии «Гибридные культуры» [Garcia Canclini, 2001]. Термин «гибридизация» превратился в ключевой концепт в исследовании языковых контактов и смешении разных культур, литератур, стилей в искусстве и т.д. Фундаментальной идеей, на которой основана гибридизация, является аннуляция дихотомий между противоположными культурами, трансгрессия границ и замещение

категорий «это» или «другое» логическим постулатом «как это, так и другое».

Сторонники современных взглядов на гибридизацию критически относятся к двум точкам зрения, на протяжении долгого времени оказывавших влияние на концептуализацию культуры. С одной стороны, речь идет о моделировании культуры как монолитной и закрытой системы, а с другой – о культуре как чистом феномене, сформированном вне процессов контакта и смешения, и сохраняющем эту «чистоту» в противовес к заимствованиям из других культур, которые расцениваются как разрушение, ухудшение или девальвация. Концепт «гибридизация» в том виде, в каком он используется в современных теориях, включает в себя идеологический и ценностный компоненты, которые придают позитивную значимость переплетению двух культур. Важно подчеркнуть, что процессы гибридизации всегда происходили между культурами и языками, поэтому концепт «гибридизация» не является новым, а то, что можно считать инновационным, это – смена перспективы. Фокусировка научного интереса уже не направлена на системы как противоположные полюсы, она переместилась на промежуточное пространство, или «третье пространство», согласно метафорическому выражению [Bhabha, 2000, p. 124].

Современный взгляд на гибридизацию в лингвистике

В лингвистике, как и в культурологии, концепт «гибридизация» также в современных теориях приобрел смену перспективы. Как и в культурологии, он направлен против пуристской идеологии, в соответствии с которой влияние других языков на языковую систему расценивается как контаминация, загрязнение. Сторонники гибридизации не рассматривают смешение языков, как ошибку, инфракцию или насилие одного языка против другого языка. В центре внимания находится говорящий как творческий актер, который комбинируя различные элементы, создает новые формы и перспективы, отвечающие языковой динамике двуязычного или мультязычного общества. Вместе с тем следует упомянуть тот факт, что современный взгляд на языковую гибридизацию не отменяет существование разных языковых систем как противоположных полюсов. Подобное противопоставление может быть ан-

нулировано ситуационно, однако в целях исследования языковых контактов необходимо учитывать языковые различия, дивергенцию и делимитацию. Вместе с тем перспектива гибридизации позволяет дистанцироваться от взглядов на так называемые «чистые» языковые системы и открывает дорогу к трансгрессии языковых границ и инновациям.

В лингвистике концепт «гибридизация» использовался в лингвистических исследованиях в рамках миграционных процессов [Hinnenkar, 2005; Gugenberger, 2007]. По мнению Евы Гугенбергер, этот концепт может быть применим к любой ситуации языковых контактов. Она рассматривает гибридизацию как гипероним, который охватывает все явления, вызванные языковыми контактами, от минимальных мутаций до создания новых языков.

Кроме того в современной лингвистике сложилось понимание гибридизации как креативной стратегии, согласно которой говорящий каждый раз оказывается в новом социально-языковом пространстве и одновременно активно участвует в его моделировании. Эта стратегия направлена на то, что говорящий, с одной стороны, может адаптироваться к требованиям коммуникативной ситуации, а с другой – имеет возможность отстраниться от нее, отвергнув сложившиеся конвенции. Гибридная форма речи нарушает правила одной или двух языковых систем, в рамках которых формируется дискурс, и подвергает сомнению тезис о языке как монолитной и закрытой системе. Осмысление гибридизации как гиперонима предполагает разные стратегии, представленные под разными именами в специальной литературе. Говорящий имеет возможность вставлять элементы другого языка в язык, доминирующий в дискурсе, или может на альтернативной основе использовать два языка. Существующее различие между *code-switching* (переключением кодов) и *code-mixing* (смешением кодов) заключается в следующем. В обоих случаях говорящий использует два языка в интеракции, однако кодовое переключение соответствует тем альтернациям, которые функциональны в дискурсе, т.е. значимы с точки зрения интеракции и могут быть ситуативно интерпретированы. Смешение кодов относится к альтернациям, потерявшим свою ситуативную функциональность. Необходимо еще раз подчеркнуть, что двуязычный код обретает свою повседневную значимость. В противовес кодовому переключению в процессе смешения кодов языки не разделяются, и в этом случае говоря-

щие используют смешанный или билингвальный код. Смешение не соответствует локальной (ситуативной) функции дискурса, а в большей степени соотнобразуется с его глобальной функцией, а также связано с его идентификационным измерением [Auer, 1995, p. 115–135; Auer, 1998, p. 15–16; Auer, 2000, p. 129–144]. Как утверждает Ауэр, переключение и смешение кодов могут быть последовательными этапами в практике использования двух языков. Переходный период от переключения к смешению происходит тогда, когда говорящие на основании социально обусловленных причин формируют такие высказывания, которые не могут быть однозначно отнесены к одному или другому языку, а также двойственно позиционируют себя в отношении языка интеракции. Переходный период также характеризуется стилевыми интенциями, определяющими идентичность и приобретающими большую значимость по сравнению с дискурсивными задачами (интенциями). В этом случае выбор языка является гибридным кодом, в рамках которого комбинируются элементы обоих языков. Подобные процессы нередко наблюдаются, когда группа билингвов вынуждена подчеркивать свою идентичность по отношению к другим группам.

Сфера лингвистики, посвященная языковым контактам, сталкивается со сложной проблемой в отношении классификации элементов, принадлежащих разным языкам. Прежде всего возникает вопрос, как лингвистика обосновывает соединение двух языковых кодов, как она понимает языковую гибридизацию с учетом точки зрения говорящих. С точки зрения лингвистов, смешанный код содержит часто используемые вставки и альтернативы. Для говорящих-билингвов при выборе языка эти вставки не несут в себе того объективного значения, которое придают им лингвисты. Интерпретационная, прагматическая точка зрения здесь оказывается более значимой, чем структурный подход. Исследовательский фокус современной лингвистики уже не нацелен на выявление результатов языковых контактов и отнесение языковых элементов к той или иной системе, а концентрируется на говорящем: что он делает, почему и для чего он это делает.

Функции двуязычия и гибридного дискурса

В испанских регионах с двуязычными традициями в течение длительного времени выбор языка осуществлялся по схеме диглоссии – особого варианта билингвизма, при котором сосуществовали два языка, применяемые их носителями в различных функциональных сферах. Ситуация несбалансированного двуязычия, когда один из языков выступает в качестве «высокого», а другой – «низкого», частично сохраняется в настоящее время. Вместе с тем в последнее время в автономных сообществах, где признается официально региональный язык и проводится акцентированная языковая политика в пользу нормализации этой ситуации, все более заметными становятся коммуникативные ситуации, которые не соответствуют модели диглоссии. Особенно это проявляется в отношении каталанского языка [Blas Arroyo, 2006, p. 77]. Все чаще на практике встречаются такие разновидности дискурса, как дуалингвизм, когда в речи каждый коммуникант использует собственный язык. Похожесть языков и существование большей части населения (в процентном соотношении), обладающей пассивными знаниями обоих языков, способствуют такой практике. Степень гибридации дискурса в конкретных случаях определяют сами говорящие. Она зависит от отношений между теми, кто общается, а также от ситуации, темы, степени формальности общения и коммуникативных целей говорящих. Ученые, занимавшиеся исследованием языковых контактов на основании социолингвистических и прагматических подходов (Ауэр, Гамперс, Скоттон и др.), особое внимание уделяли изучению различных функций кодового переключения в дискурсе. Одной из наиболее существенных функций является функция маркирования межличностных отношений, устанавливаемых в вербальных интеракциях между двумя или более участниками. Кроме того, многие лингвисты указывают на функцию идентификации в двуязычном дискурсе, которая реализуется на основе стратегий нейтрализации (кодового переключения, кодового смешения, смешанной редупликации и сохранения акцента). На этой основе говорящие выражают свою двуязычную идентификацию. Одной из возможных причин сближения двух языков в гибридном дискурсе является стремление нейтрализовать статусное различие между языками и говорящими, а также желание противостоять доминирующей норме или доминирующей

группе. Существующая возможность варьирования степени гибридизации дискурса говорящими способствует тому, что даже хорошо образованные коммуниканты, умеющие хорошо различать два кода, избирают гибридную форму в общении с родственниками и друзьями. Они намеренно избегают употребления слов, соответствующих «правильной» норме, так как гибридная речь, освоенная ими в процессе социализации, поддерживает устоявшуюся спонтанную речь, охраняя ее от резкого вторжения «правильных» слов, создающих в этом случае ненужные «шумы». Примеры такого общения можно наблюдать как в Каталонии, так и в Галисии даже в университетах среди преподавателей галисийского и каталанского языков, пропагандирующих нормализацию этих региональных языков. Показательно, что в аудиториях они придерживаются стандартной разновидности регионального языка, а в общении с родителями, братьями и друзьями не заботятся об употреблении нормативных форм.

В связи с тем что идентичность играет важную роль в вопросах двуязычия и гибридизации, важно проанализировать, как в различных испанских регионах жители воспринимают связь двух языков и как они относятся к этноязыковой идентичности своего сообщества. Так, в Астурии большинство жителей считают астурийский и / или галисийско-астурийский языками, принадлежащими Астурии. Около половины жителей рассматривают языковую идентичность сообщества как двуязычную. Две трети населения считают, что в будущем астурийский язык в Астурии будет играть меньшую роль в сравнении с кастильским, который займет центральное положение.

Результаты исследования испанских ученых в 2002 г. показали, что около 64,1% населения Валенсии считают, что не обязательно говорить на валенсийском языке, чтобы чувствовать себя валенсийцем. В Галисии только 15% опрошенных считают человека, говорящего на галисийском языке, в большей степени галисийцем, чем того, кто не говорит на этом языке. Тем не менее 68% опрошенных полагают, что галисийцы должны говорить на двух языках – галисийском и кастильском, а 75% считают, что галисийские идентичность и культура исчезнут с исчезновением галисийского языка. Галисийцы считают себя членами двуязычного сообщества, в котором сосуществуют два языка, но знание одного или другого языка не является неотъемлемым критерием галисийской идентичности. Из этого утверждения можно сделать вывод, что эт-

ническая галисийская идентичность не находится в жесткой связи с галисийским языком, однако большинство жителей Галисии (68%) высказываются за двуязычие. Социолингвистическая карта Галисии показывает, что говорящие отказываются сделать определенный выбор между двумя языками – кастильским и галисийским.

Как следует из вышеизложенных фактов, галисийская идентичность не находится в зависимости от доминирования одного из этих языков, а использование кастильского языка не наносит ущерба галисийской идентичности. Сознательное нежелание жителей Галисии отдавать предпочтение одному из двух языков (кастильскому или галисийскому) открыло дорогу двуязычному коду и ряду языковых гибридных разновидностей, в которых нашли отражение гибридные идентичности. Результаты опросов демонстрируют, что для большинства жителей оба языка принадлежат национально-культурной идентичности их сообщества. Вместе с тем высказываться в пользу двух языков еще не означает поддерживать их гибридизацию. Дело в том, что гибридизация является узальной характеристикой использования языков, и во многих случаях говорящие прибегают к ней более или менее осознанно и добровольно, однако существует и отрицательное отношение к смешению языков.

Положительные и отрицательные оценки гибридизации

Негативное и позитивное отношение к смешению языков существуют в двуязычных регионах Испании и встречаются как среди лингвистов, так и среди говорящих на двух языках. В силу доминирующей языковой идеологии на протяжении нескольких веков в сознании говорящих формировалось негативное отношение к региональным языкам и языковой гибридизации. Говорящие на региональных языках вынуждены были считать, что их речь неправильная, некрасивая, что они говорят на испорченном языке, как подчеркивает Сантамарина в отношении галисийского языка [Santamarina, 1995, p. 56]. Это устоявшееся отрицательное отношение к региональным языкам усиливало то обстоятельство, что иберийские языки, находившиеся в контакте, являются родственными, так как принадлежат к романским языкам. Языковое сходство способствовало размыванию границ между ними, которые

никогда не были прозрачными, что привело в свою очередь к утрате осознания того, что региональный язык является самостоятельным языком, отличным от кастильского языка. Говорящие на региональном языке воспринимали этот язык как настоящий диалект или низшую разновидность доминирующего языка. Такое положение дел продолжалось вплоть до настоящего времени. Юридическое признание некоторых региональных языков, но не всех, изменило отношение к этим языкам, и в настоящее время в Галисии среди населения бытует мнение, что «сейчас галисийский является языком, а раньше был диалектом».

Следует отметить, что региональные языки, несмотря на усилия и инициативы, которые предпринимались в русле идей возрождения культур и программ разнообразных националистических движений, не имели признанных стандартов и письменных норм. После исчезновения франкистской диктатуры и вплоть до сегодняшнего времени, в рамках языковой политики автономных сообществ, сложились стандарты и орфографические нормы региональных языков. В настоящее время можно констатировать, что говорящие делятся на сторонников пуризма и гибридизации. Так, в Галисии среди пуристов распространены уничижительные наименования гибридных разновидностей регионального языка: *gallego chapurreado* и *castrapo*. Оба термина содержат негативные коннотации, подчеркивающие принадлежность говорящих на этом языке к людям с низким уровнем образования и культуры. Среди жителей Галисии, особенно старшего возраста, бытует мнение, что сейчас говорят не на настоящем галисийском языке, а на языке, смешанном с кастильским, в силу того, что региональный язык по настоящему не изучали. Говорящие сознательно проводят разграничение между неправильным и несовершенным галисийским языком, на котором они говорят, и культурной нормой, приписываемой «настоящему» или «легитимному» галисийскому языку. Гибридная разновидность языка, с которой себя идентифицируют говорящие, является для них естественной, аутентичной, в то время как стандартизированный галисийский язык воспринимается как нечто искусственное. Дикторы средств массовой коммуникации, политики и представители интеллигенции говорят на нормированном, «правильном» галисийском языке. Ряд специалистов, включая Ауэра, подчеркивают, что лингвисты и говорящие на галисийском языке жители осознают несовпадение в понимании

перспектив существования и развития регионального языка. Некоторые заимствования из кастильского языка не воспринимаются как экзогенные по отношению к собственному языку. В то же время термины, предлагаемые в процессе языкового планирования, кажутся искусственными и неприемлемыми с точки зрения национально-культурной идентичности.

До введения нормированного регионального языка жителям казалось, что они говорят на правильном галисийском языке, но после этого момента многие из них пришли к противоположному заключению. Гибридная разновидность галисийского языка представляется для большинства жителей Галисии наиболее комфортной и имеющей для них идентификационную значимость. Нормированный, «правильный» галисийский язык подвергается высмеиванию, его насаждение, искусственное культивирование не воспринимается как мера, благоприятствующая его защите, а наоборот, как угроза для гибридной разновидности, на которой привыкли говорить многие группы населения Галисии. Сгусток мнений, бытующий среди населения в Галисии, демонстрирует символическое значение гибридной разновидности языка для этноязыковой идентичности жителей этого региона. Гибридизация является выражением современной реальности, гибридной идентичности, сформировавшейся в историческом процессе взаимной трансгрессии двух языков, на протяжении длительного времени, сосуществующих в сообществе. Отношение говорящих к определению своей идентичности по отношению к двум мирам, представляющим пространство их социальной практики, можно расценивать как долговременную стратегию их существования и языкового общения.

В отношении взглядов лингвистов и тех специалистов, которые занимаются языковым планированием в двуязычных сообществах Испании, необходимо отметить, что они отражают противоположные (позитивные и негативные) мнения в отношении гибридации языков. Защитники пуристской идеологии отрицательно относятся к внешнему влиянию, расценивая его как искажение, ухудшение и порчу. Неудивительно, что в соответствии с идеологиями соответствующих эпох эти термины присутствуют в старых научных работах, но необходимо отметить, что они встречаются и в современных научных текстах. Так, галисийский лингвист Гранья Нуньес рассуждает о лингвистическом искажении на

всех уровнях системы галисийского языка – фонетическом, морфо-семантическом, лексико-семантическом [Graña Nuñez, 1993, p. 19].

Некоторые исследователи в осмыслении социальной ситуации на Балеарских островах, связанной с каталанским языком «как связующим звеном универсальной культуры», приходят к неутешительным выводам. Они утверждают, что в каталанском языке присутствует большое количество элементов кастильского языка – *барбаризмов* (*barbarismos*), являющихся, по их мнению, следствием незнания традиционных культурных форм выражения, а также склонности к «обобщению некоторых языковых предрассудков» и уничижительного отношения к собственному языку.

Перес Фернандес, анализируя гибридные явления в Астурии, настаивает на серьезных упущениях, ошибках говорящих в употреблении кастильского языка [Perez Fernandez, 2006, p. 250]. Интерференции между родными языками и кастильским языком привели к специфическому феномену – гибридным образованиям, которые в Астурии получили название «*amestau*». Такие термины, как *deterioro*, *empeoramiento*, *disminucion*, *barbarismos* или *deficit*, обозначающие ухудшение состояния языка и снижение его уровня, релевантны в рамках лингвистических концепций, отстаивающих монолитную и чистую языковую систему, и только с этой точки зрения они применимы к гибридизации. Подчеркивание активной, творческой роли говорящих в формировании гибридных дискурсов характерно для тех исследователей, которые придерживаются позитивной точки зрения на гибридизацию. Среди них выделяются Бенито Сильва Вальдивия и Йохан Кабатека в контексте исследований галисийского языка. По их мнению, интерференция, наряду с переключением и смешением кодов, превращается в творческий инструмент, посредством которого говорящий может выделить и упрочить собственную позицию в социальном пространстве, одновременно добившись ее признания другими коммуникантами, а кроме того, выразить свою идентичность [Silva Valdivia, 1994, p. 151–176; Kabatek, 1991, p. 39–48].

Перспективные линии языковой политики в двуязычных сообществах

Изложенные выше факты позволяют задаться вопросом, какой должна быть языковая политика, которая реально ориентиро-

вана на стандартизацию региональных языков. Установить нормы и обеспечить их социальное внедрение не является легкой задачей в условиях, когда доминирующий язык оказывал вековое влияние на другие языки. Споры о норме, стандартах выстраивают непреодолимый барьер между сторонниками «жесткой линии» и сторонниками «мягкой линии». На примере каталанского языка Бирбах показывает, что существует *un catalan heavy*, пуристская разновидность стандартизированного языка, и *catalan light*, соответствующий тому языку, на котором общаются в настоящее время, т.е. разновидность с гибридными чертами, сформировавшимися в результате контакта с кастильским языком [Bierbach, 2000, p. 17–37]. Пуристская позиция может быть оправдана в том случае, когда стоит задача восстановления всех социальных функций регионального доминирующего языка с его подчеркнутой отличительной значимостью от других языков. Для сообществ, которые добиваются признания себя как группы с этническими и языковыми отличиями, эта отличительная значимость может взять на себя роль важной идентификационной функции. Тем не менее, как утверждается в специальной литературе, оказывается довольно сложной задачей навязать меры, способствующие признанию претензий регионального языка на его экстремальную чистоту, пуризм в его радикальном проявлении. Подобные усилия осложняются еще и тем, что предложенная радикальная стандартизация рискует быть непринятой говорящими на том основании, что она может показаться чрезмерно искусственной и далекой от тех языковых форм, которыми они привыкли пользоваться в повседневном общении.

Все специалисты по планированию миноритарных языков неизбежно сталкиваются с вышеописанной проблемой. Показательно, что в этой ситуации Сильва Вальдивиа предлагает промежуточное решение [Silva Valdivia, 1994, p. 170], которое может быть осуществлено в сфере образования применительно к частным дидактическим задачам и общим целям образования. Она развивает идею, связанную с реализацией одной из функций лингвистического образования, которая заключается в преподавании стандартной разновидности языка. Такая мера может быть введена как гарант межкультурной коммуникации и вклад в стандартизацию языков. Вместе с тем эта вынужденная мера, по мнению ученого, не должна быть направлена на то, чтобы обесценить богатство

разнообразных языковых вариантов, и эти языки, в свою очередь, не должны быть подвергнуты грубой стандартизирующей санкции. Более того, как считает исследователь, следует проанализировать разные языковые формы, одновременно признавая и давая заслуженную оценку коммуникативной компетенции учащихся.

Заключение

В заключении отметим, что в современной Испании стоит задача создания так называемой «собственной референциальной нормы» региональных языков, принимающей во внимание значимые различия этих языков относительно кастильского языка. При этом особо подчеркивается, что в процессе установления и распространения стандартных норм необходимо избегать жестких идеологических ограничений и оставлять пространство для творчества говорящих. Кроме того, как полагают исследователи, нельзя обесценивать гибридные формы, рассматривая их как «деформацию и негативное развитие языка».

Среди задач эффективной языковой политики выделяются следующие: нацеленность на одновременное усиленное изучение кастильского и региональных языков, осознанное употребление двух разных языков и позитивное отношение к выразительному богатству гибридных вариантов, а также к стратегиям гибридизации. В лингвистических кругах широко поддерживается следующая установка, обусловленная сложившейся речевой практикой. Говорящие могут прибегать к двум языкам попеременно, а также к двум языкам одновременно с целью удовлетворения своих практических и коммуникативных целей, что реально происходит в их ежедневной речевой практике.

Проанализированные эмпирические факты и сравнение разнообразных точек зрения современных ученых убеждают, что общее негативное отношение, длительное время распространенное среди населения Испании, стирается не только по отношению к региональным языкам, но и к их гибридным разновидностям. Как показывают прогнозы, употребление региональных языков и их гибридных разновидностей будет со временем возрастать.

Потенциальные возможности гибридизации, по всей вероятности, могут служить концептуальной парадигмой для лингвистов

в исследованиях языковых контактов, а также моделью для современных обществ в целом, в которых сосуществование нескольких языков и гибридизация превратились в значимые особенности, стимулирующие сохранение и укрепление разнообразных идентичностей.

References

1. *Auer P.* The pragmatics of code-switching: Asequential approach // One speaker two languages. – Cambridge, 1995. – P. 115–135.
2. *Auer P.* Introduction: Bilingual Conversation revisited // Code-switching in conversation. – L., UK: Routledge, 1998. – P. 1–24.
3. *Auer P.* Why should we and how can we determine the «base language» of a bilingual conversation // Estudios de sociolingüística. – 2000. – N 1. – P. 129–144.
4. *Bhabha Homi K.* Die Verortung der Kultur. – Tübingen: Stauffenburg, 2000. – 408 S.
5. *Bierbach Chr.* Cuatro idiomas para un Estado – cuantos para una Region Autonoma?: Observaciones acerca del debate sobre plurilingüismo y política lingüística en España // Identidades lingüísticas en la España autonómica: Actas de las Jornadas Hispánicas 1997. – Frankfurt, 2000. – Vol. 14. – P. 17–37.
6. *Blas Arroyo J.L.* Lenguas en contacto: Consecuencias lingüísticas del bilingüismo social en las comunidades de habla del este peninsular. – Frankfurt a.M.; Madrid: Iberoamericana, 1999. – 207 p.
7. *Blas Arroyo J.L.* Reflexiones en torno al concepto de convergencia lingüística y su aplicación a las variedades del español en contacto con el catalán: Aspectos estructurales y sociolingüísticos // Quo vadis, Romania? – Wien, 2006. – N 28. – P. 75–92.
8. *Carrasco Gonzalez J.* Hablas y dialectos portugueses o galaico-portugueses en Extremadura: (Parte 2 y última: Otras hablas fronterizas; conclusiones) // Anuario de estudios filológicos XX. – Extremadura, 1997. – P. 61–79.
9. Constitución Española. – Mode of access: <http://www.constitucion.es>
10. *Encabo Vera M.A.* Estatuto jurídico del patrimonio lingüístico de Extremadura // Estudios sobre el estatuto jurídico de las lenguas en España. – Barcelona, 2006. – P. 501–512.
11. *García Canclini N.* Culturas híbridas: Estrategias para entrar y salir de la modernidad. – Barcelona: Paidós Iberica, 2001. – 452 p.
12. *Graña Nuñez X.* Vacilacions, interferencias e outros «pecados» da lingua galega. – Vigo: Ir Indo, 1993. – 223 p.
13. *Gugenberger E.* Aculturación e hibrididad lingüísticas en la migración: Propuesta de un modelo teórico-analítico para la lingüística de la migración // Rev. intern. de lingüística iberoamericana (RILI). – 2007. – Vol. 5, N 2 (10): Lengua y migración. – P. 21–45.

14. *Hinnenkamp V.* Sprachgrenzen überspringen // Sprachliche Hybridität und polykulturelles Selbstverständnis. – Tübingen, 2005. – S. 51–102. – (Selbstverständnis gebundene; Ausg. 1).
15. *Kabatek J.* Interferencias entre galego e castelan: Problemas do galego estandar // Cuadernos de lingua. – 1991. – Bd 4/5. – P. 39–48.
16. *Navarro Sanchez A.C.* Estatuto juridico del patrimonio linguistico de la cuenca de Segura // Estudios sobre el estatuto juridico de las lenguas en España. – Barcelona, 2006. – P. 473–482.
17. *Perez Fernandez J.M.* Estudios sobre el estatuto juridico de las lenguas en España. – Barcelona: Atelier, 2006. – 516 p.
18. *Ramon de Andres Diaz J.* Linguistic borders of the Western peninsula // Intern. j. of sociology of lang. – 2007. – N 1. – P. 121–138.
19. *Santamarina A.* Norma e estandar // Estudios de sociolingüística galega sobre a norma de galego culto. – Vigo, 1995. – P. 53–98.
20. *Silva Valdivia B.* Cambios de código, alternancias e interferencias lingüísticas: Unha perspectiva didáctica sociocomunicativa // Didáctica da lingua en situacións de contacto lingüístico. – Santiago, 1994. – P. 151–176.
21. *Thomason S.G., Kaufman T.* Language contact, creolization, and genetic linguistics. – Berkeley etc.: Univ. of California press, 1988. – 391 p.
22. Todos los Estatutos de Autonomía de España. – Mode of access: <http://www.leyesyderecho.com>
23. *Vernet J., Punset R.* Lenguas y Constitución. – Madrid: Colección brevarios jurídicos, 2007. – 344 p.
24. *Zamora Vicente A.* Dialectología española. – Seg. ed. muy aumen. – Madrid: Gredos Ed. S.A., 1967. – 587 p.